

Лекция 8-9. Литература централизованного русского государства (конец XV-XVI век)

Рост политического, экономического и военного могущества Московского государства привел к окончательной ликвидации монголо-татарского ига в 1480 г. К концу XV в. политическое объединение северо-восточной Руси вокруг Москвы было в основном завершено: в 1472—78 гг. присоединен Новгород, в 1485 г. — Тверь.

Укрепление централизованного государства протекало в напряженной политической и идеологической борьбе. В централизации управления были заинтересованы и появившаяся новая социальная прослойка — служилое дворянство, и торгово-ремесленное население городов, и, в конечном счете — широкие массы трудящихся. Старые удельные порядки отстаивала родовитая знать, бояре-вотчинники, стремившиеся сохранить феодальные права бесконтрольной власти в своем уделе.

Проблемы государственной власти единого державного правителя, характера и предела его «самовластия» стоят в центре внимания публицистических произведений. Их решению посвящены легендарно-исторические повести о мутьянском воеводе Дракуле, Иверской царице Динаре, о Басарге.

«Повесть о мутьянском воеводе Дракуле». «Сказание о Дракуле воеводе, или Повесть о мутьянском воеводе Дракуле», созданная в конце XV в., ставит вопрос о характере власти единого державного властителя, о значении его личности и занимает важное место в развитии жанра историко-легендарной повести. Исторический прототип Дракулы — воевода Влад Цепеш, управлявший Румынией в 1456—1462 и 1476 гг. О его необычайной жестокости в Европе ходило много рассказов (в Германии даже был издан ряд «летучих листков» о Дракуле). Текст русской повести вероятнее всего восходит к устным рассказам, услышанным ее автором в Венгрии и Румынии. Написанная в форме посольской «отписки», «Повесть о Дракуле» главное внимание сосредоточивает на деяниях самовластного воеводы.

Эти деяния излагаются в форме небольших, преимущественно сюжетных рассказов-анекдотов, где первостепенное значение приобретает диалог, а судьба персонажа, с которым ведет беседу Дракула, зависит от ума и находчивости собеседника. «Зломудрый» и одновременно «велемудрый» государь превыше всего ценит в человеке ум, находчивость, умение выйти из затруднительного положения, воинскую доблесть (отличившихся в бою воинов он «учиняет витязями»), честность, ревностно оберегает пиетет «великого государя». «Грозный», неподкупный владыка ненавидит «во своей земли» зло и казнит всякого.

В то же время Дракула, имя которого в переводе с румынского означает «дьявол», необычайно жесток: велит прибить гвоздями «капы» (шляпы) к головам послов, которые по обычаю своей страны не сняли их, явившись к «государю велику» и учинив тем самым ему «срамоту»; казнит воинов, которые были ранены в спину; сажает на кол посла, осудившего жестокость Дракулы; сжигает стариков, калек и нищих, мотивируя свой поступок «гуманными» целями: тем самым он освободил их от нищеты и недугов.

Автор повести почти не высказывает своего отношения к поведению героя. Измена Дракулы православию и переход по требованию венгерского короля в «латыньскую прелесть» порождает дидактическую тираду автора, который осуждает его.

В целом же повесть лишена христианского дидактизма и провиденциалистского взгляда на человека. Все поступки Дракула совершает по своей воле, не подстрекаемый к ним никакими потусторонними силами. Не прославляя и не осуждая своего героя, автор повести как бы приглашал читателей принять участие в решении центрального вопроса — каким должен быть «великий государь»: подобает ли ему быть «милостиву» или «грозному», который «от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати».

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Выдающимся произведением конца XV в. является «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, помещенное под 1475 г. в Софийской летописи. Свое «хождение» в Индию Никитин совершал с 1466 по 1472 г. Он был одним из первых европейцев, вступивших на землю «брахманов», о громадных богатствах и сказочных чудесах которой рассказывали «Александрия» и «Сказание об Индии богатой».

Для своего произведения Афанасий избирает жанр путевых записок, очерков. В отличие от «путешествий-хождений» XII—XIII вв., его «хождение» лишено религиозно-дидактических целей. Никитин едет в неведомую русским людям Индию для того, чтобы собственными глазами видеть ее, чтобы там *«посмотреть товаров на Русскую землю»*. Таким образом, не только любознательность, но и практическая сметка купца руководила Афанасием в его путешествии.

На основании «Хождения за три моря» мы можем отчетливо представить себе незаурядную личность русского человека, патриота своей родины, прокладывающего пути в неведомые страны ради *«пользы Руския земли»*. Никакие невзгоды и испытания, выпавшие на долю Афанасия на многотрудном пути, не могли испугать его, сломить его нолью. Лишившись в устье Волги своих кораблей, которые были разграблены степными кочевниками, он продолжает путь. Возвращение назад в Тверь не сулило ему ничего, кроме долгой тюрьмы, а вперед манила даль неведомых земель. Переплыв Каспий, пройдя через Персию и переехав Индийское море, Никитин, наконец, достигает цели. Он в центре Индии: посещает города Чивиль, Джуннар, Бедер, Парват.

Пытливо присматриваясь к нравам и обычаям чужой страны. Афанасий свято хранит в своем сердце образ родины — Русской земли. Чувство родины обостряется на чужбине, и хотя на Руси много непорядков, ему дорога его отчизна. Православная вера является для Никитина символом родины. Отсутствие возможности точного и строго соблюдения религиозного обряда в чужой стране вызывает у него чувство горечи. Никакими угрозами невозможно заставить Афанасия *«креститься в Махмет дени»*, т. е. принять мусульманство. Переменить веру для него равносильно изменить родине.

«Хождение за три моря» отличается обилием автобиографического материала, Никитин подробно описывает свои внутренние переживания. Однако центральное место в «Хождении» занимает обстоятельный рассказ Афанасия об Индии. Русского человека интересуют быт и нравы чужой страны. Его поражает «черный» цвет кожи местных жителей, их одежда: *«...люди ходят нагые все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены»*. Особенно странным и необычным для русского человека был вид *«простоволосых»* замужних женщин. Ведь для русской женщины «опростоволоситься» — раскрыть свои волосы — было величайшим позором. Не едят индийцы *«никоторого мяса»*, а едят днем дважды, а ночью не едят и не пьют вина. Отличительная особенность стиля «Хождения» — его лаконизм, умение автора подмечать и описывать главное; точность и строгая фактичность.

Заканчивается "Хождение" кратким путевым дневником о возвращении героя на родину, где он и умер близ Смоленска.

Трудно переоценить литературное значение произведения Афанасия Никитина. Его "Хождению" чужда книжная украшенная речь. Просторечная и разговорная лексика русского языка переплетается с арабскими, персидскими и турецкими словами, усвоенными Никитиным во время путешествия.

Публицистика. Укрепление централизованного Русского государства протекает в обстановке напряженной и острой политической борьбы между родовитым боярством, которое постепенно устраняется от участия в управлении страной, и служилым дворянством, которое становится основной классовой опорой единодержавной власти московского царя. Эта борьба находит яркое отражение в публицистике. В «словах», посланиях, памфлетах идеологи различных групп отстаивают свои интересы, обличают своих противников.

«Сказание о князьях Владимирских». В основе «Сказания» — попытка установить генеалогическую связь московских князей с основателем Римской империи — Августом-кесарем. Брат Августа Прус был послан римским императором на Вислу — *«от него же прусы прозвашася»* (исторически «прусы» — название литовского племени, населявшего нижнее течение Вислы). Призванный новгородцами князь Рюрик происходит из рода Прусова. Следовательно, политические права на единодержавную власть московские великие князья унаследовали от своих *«прародителей»* — от самого Августа-кеесаря.

Затем «Сказание» сообщало о даре греческого императора Константина Мономаха киевскому князю Владимиру Всеволодовичу (Мономаху) — царского венца, скипетра и державы. Этим венцом Владимир венчается и нарекается *«царь великая Россия»*. *«Оттоле и доньне тем царьским венцем венчаются великии князи владимерстии, его же прислал греческий царь Константин Мономах, егда поставятся на великое княжение российское»*. На самом деле Константин Мономах умер, когда Владимиру было всего два года.

Эта легенда, а ей в то время был придан характер исторической достоверности, служила важным политическим средством обоснования прав московских великих князей на царский титул и на самодержавную форму правления государством, содействовала укреплению внутривластного авторитета этой власти и способствовала упрочению международного престижа Московского государства. В 1523 г. старец псковского Елеazarова монастыря Филофей в своем послании к Василию III писал: *«Блюди и внимли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снисдошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже твое христианское царство инем не останется»*. Так лаконично и точно была сформулирована политическая теория суверенности Русского государства: «Москва — третий Рим».

Большую роль в истории древнерусской литературы и общественной мысли сыграл **Максим Грек**. Он родился в городе Арты (Албания) и принадлежал к знатному роду Триволисов, близкого Палеологам. Спустя некоторое время Максим Грек возвращается в православие и живет в Ватопедском монастыре на Афоне. В 1518 г. его рекомендуют посланцу Василию III.

В том же году он прибывает в Москву, где великий князь принимает ученого монаха с большой честью. По поручению Василия III Максим Грек приступает к переводу и исправлению русского текста Толковой псалтыри. Первые оригинальные произведения Максима Грека посвящены обличению черного духовенства и защите «нестяжания». *«Повесть страшна и достопамятна о совершенном иноческом жителстве»* говорит об упадке нравов среди русских монахов. В монастырях процветают пьянство, чревоугодие, сребролюбие, праздность, *«лихоимство»*. Развращенным русским монахам Максим Грек противопоставляет католических монахов-картезианцев и личность религиозно-политического реформатора во Флоренции Иеронима Савонаролы. Однако Максим Грек не симпатизирует *«латинской прелести»*. Цель его повести дидактическая: побудить русских православных монахов к строгому и неукоснительному соблюдению «устава» и стараться быть ни в коем случае не хуже монахов католических. Защите «нестяжания» посвящен полемический философский трактат «Беседа Ума с Душой». Ум — аллегория высоких нравственных принципов монашества. Душа — воплощение пороков. Причина гибели Души, доказывает Максим Грек, «стяжания». Он, как и Савонарола, обличает роскошь и праздность жизни церковных иерархов.

Все сочинения Максима Грека написаны в строгом соответствии с правилами риторического и грамматического искусства. Он развивает свои мысли в четкой логической последовательности, аргументируя каждое положение. Язык его сочинений книжный, он не допускает никаких словесных «вольностей» употребления просторечий, разговорной лексики.

Сочинения митрополита Даниила. Перу Даниила принадлежит шестнадцать «слов», посвященных вопросам религиозно-догматическим, обрядовым и бытовым.

В отличие от Максима Грека, Даниил не придерживался правил риторики. Для него характерно свободное обращение с языком. Он смело вводит в свои «слова» просторечную лексику, способствуя демократизации литературного языка и стиля.

Благодаря использованию разговорных интонаций Даниил достигает в «словах» яркости и образности изображения жизненных явлений. Таков, например, яркий образ развратника и модника, созданный Даниилом в двенадцатом «слове-наказании»: Называя свои «слова» «наказаниями», Даниил подчеркивает их дидактическое назначение. Он адресует их непосредственно обличаемым. Даниил обрушивается на всех, кто нарушает установленные нормы христианской морали, требуя неукоснительного их соблюдения. Его возмущает возникшее в обществе равнодушие к «священному писанию» и церковной службе (симптом

примечательный!). Религиозная дидактика сочетается у Даниила с натуралистическим описанием пороков, он пытается создать собирательный образ пьяницы, развратника, обжоры, тунеядца, щеголя, лживого «*пророка*» и «*учителя*». Носителями пороков выступает знатная молодежь.

Сочинения Даниила - яркий документ нравов русского общества первой трети XVI в. Их свободная литературная манера предшествует "кусательному" стилю Грозного. Обличительный пафос, образность живого языка произведений Даниила способствовала их популярности в старообрядческой среде.

«Сказание о Магмете-Салтане» Ивана Пересветова. Выдающимся писателем-публицистом, идеологом служилого дворянства является Иван Пересветов. Приехав на Русь из Литвы в 1538 г., в разгар боярского «*самовластия*», он активно включился в политическую борьбу.

Неоднократно подавал Пересветов челобитные на имя юного великого князя, выступал с аллегорическими публицистическими повестями, доказывая необходимость единой государственной формы правления государством и устранения боярства. Прибегая к историческим параллелям, он изображал существенные недостатки политической жизни Москвы и давал практические советы к их устранению.

Памфлет построен на прозрачной исторической аллегории: императору Константину противопоставляется Магмет-Салтан. В описании правления царя Константина, вступившего на царство после смерти отца трех лет от роду, чем и воспользовались вельможи царевы, современники узнавали события недавнего прошлого: малолетство Грозного, борьба за власть бояр Бельских и Шуйских.

Свой политический идеал Пересветов воплощает в грозном самодержавном мудром владыке Магмете-Салтане. Пересветов как бы преподает наглядный политический урок юному Ивану IV, только что венчавшемуся на царство и объявившему себя царем всея Руси. Магмет-Салтан, опираясь на мудрость «*греческих книг*» и на свое воинство, т. е. служилое дворянство непреклонно следует девизу Он подчеркивает, что Магмет-Салтан отмечает заслуги своих воинов — тех, кто горазд «*против недруги играми смертною игрою...*

Публицистические памфлеты Ивана Пересветова явились той политической программой, которая частично была осуществлена Иваном Грозным.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным. Политика Грозного, направленная на укрепление единой державы, усиление роли служилого дворянства и ущемление интересов боярской знати, вызвала отпор со стороны последней. Эту борьбу ярко отразила переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным.

Потомок князей ярославских, возводивший свой род к Владимиру Святославичу, Курбский в 1563 г. после неудачного сражения бежал в ливонский город Вольмар (Вольмиере), занятый войсками Сигизмунда-Августа. Отсюда и послал он в 1564 г. свою первую «*эпистолию*» (послание), адресованную Ивану Грозному. Послание было рассчитано на широкий круг читателей и ставило целью обличить единовластную политику царя. В самом обращении к «*Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлому явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротив сим обретишеся*» звучал упрек: царь утратил облик идеального правителя. Строго и размеренно звучит обвинительная речь Курбского, построенная по правилам риторики и грамматики: «*Курбский выступает в роли прокурора, предъявляющего обвинения царю от имени «погибших, избитых неповинно, заточенных и прогнанных без правды» бояр, являющихся, по его мнению, опорой государства, составляющих его силу. Он пишет от «многая горести сердца своего».*

Он обвиняет царя в злоупотреблении своей единовластной властью. Курбский понимал, что полностью вернуть старые порядки невозможно, и не выдвигал требования децентрализации. Он стремился лишь к ослаблению единовластной власти царя, считал необходимым разделение власти между царем и боярством. Послание Курбского взволновало и уязвило сердце Иоанна. Его ответ ярко раскрывает сложный и противоречивый характер незаурядной личности царя. Послание Грозного обнаруживает недюжинный ум, широкую

образованность, начитанность и в то же время гордую и озлобленную, мятущуюся душу. Свой ответ он адресует не только Курбскому, но и «*всему Российскому царству*»:

Грозный выступает как политик, государственный человек, и речь его вначале сдержанна и официальна. Ответ Курбскому он начинает с доказательства законности своей единодержавной власти, унаследованной им от славных предков. Ссылками на «писание», цитируя на память целые отрывки, Грозный доказывает, что власть царя освящена самим Богом, и всякий, кто его власти противится, противится Богу. Иосифляне кие идеи божественного происхождения царской власти прочно усвоены царем, и, опираясь на них, он квалифицирует поступок Курбского как измену, отступничество, преступление перед своим государем, а следовательно, и Богом. Чтобы сделать ответ более весомым, Грозный вводит ряд автобиографических моментов. Он вспоминает, как в годы младенчества были истреблены многие «*доброхоты*» отца его, как была расхищена боярами казна матери, отца и деда, отняты дворы и села у дядей, как воцарились князья Василий и Иван Шуйские, жестоко расправившиеся со своими противниками. Так, не стесняясь в выражениях, прибегая к прямой издевке над врагом, Грозный изливает в послании свою душу. Он не считается с правилами риторики и пиитики. Его писательская манера обнаруживает тесную связь с «иосифлянкой» литературной школой. Речь Грозного порывиста, взволнованна, она насыщена живыми конкретными бытовыми образами, пересыпана остротами и едкой иронией. Этот нарушавший канонические правила стиль послания Грозного стал объектом постоянных насмешек Курбского.

Послания Грозного - яркое свидетельство начала разрушения строгой системы книжного литературного стиля, который создавался стараниями книжников XIV-XVI вв., и появления стиля индивидуального. Правда, «заявить» о своей индивидуальности в области стиля мог тогда только царь, самодержец всея Руси. Осознавая свое высокое положение, он мог смело нарушать установленные стилистические нормы и разыгрывать роли то мудрого философа, то смиренного раба Божьего, то жестокого и неумолимого владыки, «вольного» казнить или миловать своих «холопов» - подданных.

В публицистике XVI в. звучали не только голоса защитников интересов различных групп правящего класса. В это время появляются и первые идеологи демократических слоев русского общества. Против рабства выступает боярский сын Матвей Башкин, доказывая авторитетом «писания» незаконность рабовладения. «Христос всех братиею нарицает,- говорил он,- а у нас де на иных и кабалы, на иных - беглыя, а па инех - нарядныя, а на иных полныя». Еще далее Башкина пошел беглый холоп Феодосии Косой, который, отвергая церковные догмы (троичность божества, почитание храмов и икон, церковную иерархию), выступил противником всякой эксплуатации, войн и гражданских властей, страстным поборником равенства людей.

Характерной особенностью развития русской литературы XVI в. явилось создание многочисленных обобщающих произведений как церковной, так и светской литератур, идеологически закреплявших объединение русских земель вокруг политического, религиозного и культурного центра Москвы. Путем объединения памятников местных областных литератур, их идейно-стилистической переработки создается единая общерусская литература, приобретающая общегосударственное, политическое значение.

"Великие Четьи-Мннеи". В Новгороде начал Макарий собирать и объединять все «святые книги, которые в Русской земле обретаются». К работе было привлечено много писцов. Создание первой редакции «Великих Четьих-Миней» заняло двенадцать лет.

Общерусские летописные своды. Задачу определить место Руси и ее столицы Москвы во всемирной истории ставил перед собой Русский хронограф 1512 года. Вбирая в свой состав местные летописи бывших удельных княжеств, перерабатывая их в свете идей московского абсолютизма, создаются общерусские летописные своды.

Степенная книга. В 1563 г. по инициативе митрополита Макария царским духовником Андреем-Афанасием создается «Книга степенная царского родословия». В этом произведении сделана попытка систематического прагматического изложения истории Русского Московского царства в форме генеалогической преемственности от Рюрика, а затем Владимира Святославича

до Ивана Грозного включительно. История Русского государства излагается в форме агиобиографий его правителей по степеням родства.

"Домострой". К обобщающим произведениям XVI в. следует отнести также "Домострой", составление которого приписывается благовещенскому попу Сильвестру, входившему в "Избранную раду". "Домострой" регламентировал поведение человека, как в государственной, так и в семейной жизни. В нем четко определялись обязанности человека по отношению к церкви и царю, последовательно проводилась мысль о безропотном повиновении царской власти.

Важной частью "Домостроя" является раздел "о мирском строении, как жить с женами, детьми и домочадцами". Как царь является безраздельным владыкой своих подданных, так муж является господином своей семьи. Он несет ответственность перед богом и государем за семью, за воспитание детей - верных слуг государства. Поэтому первейшая обязанность мужчины - главы семьи - воспитание сыновей. Чтобы воспитать их послушными и преданными "Домострой" рекомендует один метод - палку: "Любя же сына своего, учащай ему раны, да последи о нем возвеселиши... Наказуй дети во юности, покоит тя на старость твою... И не дам ему власти во юности, но сокруши ему ребра..."

Другая обязанность мужа - "поучати" свою жену, которая должна вести все домашнее хозяйство и воспитывать дочерей. Воля и личность женщины всецело подчиняются мужчине. Строго регламентируется поведение женщины в гостях и дома, вплоть до того, о чем она может вести разговоры. Регламентируется "Домостроем" и система наказаний. Нерадивую жену муж сначала должен "всяким рассуждением... учить". Если словесное "наказание" не дает результатов, то мужу "достоит" свою жену "ползовати страхом наедине", "по вине смотря". Предлагает "Домострой" и ряд правил поведения, которые должны соблюдать слуги, посылаемые в чужой дом. "Домострой" дает практические советы по ведению домашнего хозяйства: и как "устроить хорошо и чисто" избу, как повесить иконы и как их содержать в чистоте, как приготовить пищу.

Таким образом, "Домострой" был не только сводом правил поведения зажиточного человека XVI в., но и первой "энциклопедией домашнего хозяйства". Ценность "Домостроя" заключается в широком отражении реальных особенностей русского быта и языка XVI столетия.

"Повесть о Петре и Февронии" была создана в середине XVI в. писателем-публицистом Ермолаем-Еразмом на основе муромских устных преданий. После канонизации Петра и Февронии на соборе 1547 г. это произведение получило распространение как житие. Однако митрополитом Макарием оно не было включено в состав "Великих Четвх-Миней", поскольку и по содержанию, и по форме оно резко расходилось с житийным каноном. Повесть с необычайной выразительностью прославляла силу и красоту женской любви, способной преодолеть все жизненные невзгоды и одержать победу над смертью.

Герои повести - исторические лица: Петр и Феврония княжили в Муроме в начале XIII в., они умерли в 1228 г. Однако в повести историчны только имена, вокруг которых был создан ряд народных легенд, составивших основу сюжета повести. Как указывает М. О. Скрипиль, в повести объединены два народнопоэтических сюжета: волшебной сказки об огненном змее и сказки о мудрой девице.

С устно-поэтической народной традицией связан образ центральной героини — Февронии. Дочь крестьянина — *«древотлаца»* (бортника) обнаруживает нравственное и умственное превосходство над князем Петром.

Одерживает победу Феврония и над Петром, состязаясь с князем в мудрости. Желая проверить ум девушки, Петр посылает ей пучок льна, предлагая, пока он моется в бане, сделать из него рубашку, штаны и полотенце. В ответ Феврония просит Петра сделать из щепки ткацкий станок, пока она *«очешет»* лен. Князь вынужден признать, что этого сделать невозможно. «Феврония согласна уврачевать язвы Петра при одном условии — стать его женой. Она понимает, что не так-то просто князю жениться на крестьянке. Когда князь исцелился, он и думать забыл о своем обещании: *«...не въсхоте пояти ю жену себе отечества*

(происхождения) *ея ради*». Феврония, понимая, что она неровня князю, предвидела подобный ответ Петра и поэтому заставила его помазать не все струпья. А когда тело князя вновь покрылось язвами, он вынужден со стыдом вернуться к ней, прося врачевания. И Феврония исцеляет Петра, предварительно взяв с него твердое слово жениться. Так дочь рязанского крестьянина заставляет Петра сдержать свое княжеское обещание. Подобно героиням русских народных сказок, Феврония борется за свою любовь, за свое счастье. До конца дней хранит она свято любовь к мужу. По требованию муромских бояр она покидает город, взяв с собой самое для нее дорогое — своего супруга. Он для нее дороже власти, почестей, богатства.

Феврония умирает одновременно с мужем, ибо не мыслит себе жизни без него. А после смерти тела их оказываются лежащими в едином гробу. Дважды пытаются их перехоронить, и каждый раз тела их оказываются вместе.

Характер центральной героини в повести дан весьма многогранно. Дочь рязанского крестьянина исполнена чувства собственного достоинства, женской гордости, необычайной силы ума и воли. Она обладает чутким, нежным сердцем, способна с неизменным постоянством и верностью любить и бороться за свою любовь. Ее чудесный обаятельный образ заслоняет слабую и пассивную фигуру князя Петра. Только в начале повести Петр выступает в роли борца за поруганную честь брата Павла. С помощью Агрикова меча он одерживает победу над змеем, посещавшим жену Павла. На этом его активная роль в развитии сюжета заканчивается, и инициатива переходит к Февронии. В повести намечена тема социального неравенства. Не сразу князь решается на брак с дочерью *«древолозца»*. А когда личный конфликт разрешен благодаря мудрости Февронии, возникает новый, политический.

Петр после смерти брата Павла стал *«един самодержец» «граду своему»*. Однако бояре не любят князя, *«жен ради своих»*, *«яко бысть княгини не отчества ради ея»*. Бояре обвиняют Февронию в нарушении *«чина»*, т. е. порядка: она неподобающим княгине образом ведет себя за столом. Пообедав, Феврония по крестьянской привычке, вставая из-за стола, *«взимает в руку свою крохи, яко гладна»*. Перед нами весьма выразительная бытовая деталь — крестьянка хорошо знает цену хлеба! Последовательно проводя идею *«самодержавной»* княжеской власти, повесть резко осуждает своеволие боярства. Бояре с *«яростию»* говорят князю, что они не хотят, чтобы Феврония господствовала над их женами. Однако после того как *«самодержец»* Петр покинул город, *«мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Кишждо их хотя державъствовати, сами ся изгубиша»*. Поэтому оставшиеся в живых вельможи и народ молят князя вернуться в Муром и *«державствовать»* там по-прежнему. Политический конфликт князя и боярства разрешен жизненной практикой.

Характерная особенность «Повести о Петре и Февронии» — отражение в ней некоторых деталей крестьянского и княжеского быта: описание крестьянской избы, поведение Февронии за обедом. Это внимание к быту, частной жизни, человека было новым в литературе. Агиографические элементы в повести не играют существенной роли.

В соответствии с традициями житийной литературы и Петр и Феврония именуется *«благодарными»*, *«блаженными»*. Петр *«имеяше обычаи ходити по церквам, уединялся»*, отрок указывает ему чудесный Агриков меч, лежащий в алтарной стене церкви Воздвиженского монастыря. В повести отсутствуют характерные для жития описания благочестивого происхождения героев, их детства, подвигов благочестия. Весьма своеобразны и те «чудеса», которые совершает Феврония: собранные ею со стола хлебные крошки превращаются в *«добровонный фимиам»*, а *«древца малы»*, на которых вечером повар повесил котлы, готовя ужин, по благословению Февронии наутро превращаются в большие деревья, *«имуще ветви и листвие»*.

Таким образом, «Повесть о Петре и Февронии» принадлежит к числу оригинальнейших высокохудожественных произведений древнерусской литературы, ставивших острые социальные, политические и морально-этические вопросы. Это подлинный гимн русской женщине, ее уму, самоотверженной и деятельной любви. Как показала Р. П. Дмитриева, повесть состоит из четырех новелл, объединенных трехчленной композицией и идеей всемогущества любви. Повесть не связана с какими-либо конкретными историческими событиями, а отражает

возросший интерес общества к личной жизни человека. Необычна и героиня повести — крестьянка Феврония, ставшая княгиней не по воле небесного промысла, а благодаря положительным качествам своего характера. Жанр «Повести о Петре и Февронии» не находит себе соответствий ни с исторической повестью, ни с агиобиографией.

Таким образом, развитие литературы XVI столетия характеризуется объединением местных областных литератур в единую общерусскую литературу, идеологически закрепляющую политическое объединение русских земель вокруг Москвы. В официальной литературе, создаваемой в правительственных кругах, вырабатывается репрезентативный риторический стиль идеализирующего биографизма с целью панегирического прославления *«Московского царствия»*, его благоверных и благочестивых единоподанных правителей и *«новых чудотворцев»*, свидетельствующих о богоизбранности *«Российского царствия»*.

Этот стиль строго соблюдает этикетность, церемониальность, в нем преобладают абстрагирующие начала в изображении героев, которые предстают перед читателем во всем блеске и величии украшающих их добродетелей. Они произносят торжественные «речи», соответствующие их сану и ситуации. Они совершают свои «деяния» в строгом соответствии со своим официальным положением. Однако этот стиль начинает разрушаться за счет включения, порой произвольного, конкретных бытовых жизненных зарисовок, фольклорного материала, просторечных и разговорных элементов языка.

В литературе XVI в. начинается процесс ее демократизации, проявляющийся в усилении воздействия фольклора, различных форм деловой письменности. Изменения претерпевают также формы исторического и агиографического повествования, не пренебрегающие занимательностью и допускающие вымысел. Все это приводит к обогащению литературы и способствует более широкому отражению ею действительности.